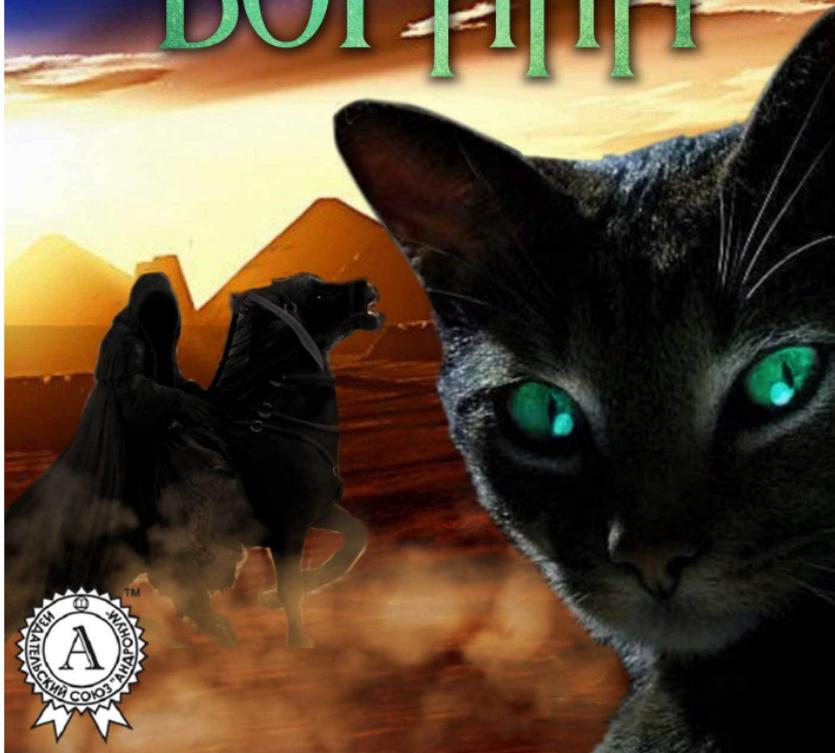

Анастасия Азова

БРАСЛЕТ БОГИНИ

Анастасия Азова

Браслет богини

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21556605
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;
ISBN 978-1-387-70418-7*

Аннотация

Мы живём в скучном, однообразном мире, где нет места романтике и приключениям. Ушли в небытие времена, когда повсюду разъезжали прекрасные рыцари на белых скакунах, размахивая копьями и защищая прекрасных дам. Волки в лесу – только волки, а никакие не оборотни, а магами называют обычных цирковых фокусников. Скукотень, из которой никак не вырваться. Но жизнь нашей героини никогда не была ни скучной, ни однообразной, уж её-то постоянно преследовали всевозможные злоключения. Тем не менее, она не могла себе даже представить, что всё это померкнет, когда, отправившись на экскурсию, она уподобится сказочной Алисе, но вместо Белого Кролика будет чёрная кошка с изумрудными глазами, а пропуском в таинственный мир послужит реликвия, многие годы сберегавшаяся в её семье. И вот, героиня, поехавшая в нашем милом, но прагматичном веке к Египетским пирамидам, попадает в совсем другой, таинственный мир, где на небе светят три солнца и три луны, а время течёт иначе, и живут самые разные существа... Здесь у неё появляются новые друзья, новая

жизнь... Но отныне все её мысли и желания сосредоточены только на одном: как бы вернуться назад, в свой привычный мир, к своей семье? Для этого она должна решить сложнейшую задачу, при этом не попасть под копыта таинственного Чёрного всадника, ускользнуть от стаи голодных оборотней, пройти через сложнейший лабиринт, полный страшных ловушек, и не стать жертвой предательства... Удастся ли это нашей героине? Сможет ли она вернуться домой?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анастасия Азова

Браслет богини

Глава первая

Я сидела на большом шершавом камне, потирая разбитую коленку, и ругалась сквозь слёзы. Вот ведь занесла меня нелёгкая! Верно говорят – чёрная кошка дорогу перебегает к несчастью. А мне она сегодня столько раз её перебежала, металась из стороны в сторону, да ещё пялилась на меня своими глазницами... А сейчас виновница этой нелепой и неподдающейся никакому разумному объяснению теперешней ситуации сидела напротив и гипнотизировала меня своим пристальным и тревожно-загадочным взглядом.

В детстве я была очень подвижным и в тоже время страшно неуклюжим ребёнком. Так как я часто делала то, что мне взбредёт в голову, в квартире постоянно стоял звон разбившейся посуды и грохот опрокинутой мебели. Однажды совершив с большим трудом восхождение на буфет, где стояла парадная, как её называла мама, посуда и по дороге смахнув на пол пару фарфоровых безделушек, я, держа над головой дедушкин зонт, совершила парашютный прыжок. Приземлилась я прямёхонько на высокий с глянцевыми листья-

ми фикус, тот упал на маленький столик, на котором стояла красивая старинная настольная лампа, и она, издавая громкие хрустальные звуки и всхлипы, скончалась на моих испуганных глазах. Вся в земле, в изодранном платье, с торчащими в разные стороны из волос спицами сломанного зонта и безуспешно пытавшейся освободить застрявшую в горшке ногу – такой я предстала перед изумлёнными глазами немедленно появившихся в дверях мамы и дедушки. Пока под мои душераздирающие вопли он вытаскивал из земли мою ногу и распутывал волосы, накрученные на спицы, мама со скорбным лицом оглядывала разгром в комнате, учиненный мною, затем вынесла свой вердикт

– Ну, какая ты Элен? Варвара самая натуральная! – причём ударение она поставила на первый слог.

– Почему Варвара??? – в один голос изумлённо спросили мы с дедушкой, который к этому времени уже распутал мои волосы и освободил меня от цветочного горшка.

– Потому что, как последний варвар, всё громит и уничтожает! Скажешь – нет?! После неё остаются одни только руины, трупы и выжженная земля!

– Какие трупы? – испуганно спросил дедушка.

– А ты забыл, какая участь постигла наших рыбок, когда этот варвар, – тут она обличающим жестом указала на меня, – в прошлом месяце опрокинула аквариум?

Я стояла, опустив голову, понимая всю справедливость маминых обвинений. В тот злополучный день, прочитав на-

кануне очередной рыцарский роман, я, вооружась дедушкиной тростью, которая исполняла роль сабли, доблестно сражалась с придуманным мною противником и после очередного его коварного выпада в мою сторону я «ловко» отскочила назад и... опрокинула аквариум. Не в силах осознать, что произошло, я, как замороженная, смотрела, как из разбитого аквариума быстро вытекает вода вместе со всем содержимым. Этот водный поток с ужасающей быстротой устремился в разные стороны, затекая под мебель, и через минуту водой был покрыт уже весь пол в комнате. Пока я безуспешно пыталась собрать воду простынёй, которая до того, как стать половой тряпкой, исполняла роль рыцарского плаща, вода сама стала исчезать сквозь паркет и впитывалась в толстый ковёр. И вот тут я увидела на обмелевшем полу рыбок! Лишившись свой привычной среды, они беспомощно бились об пол и высоко подпрыгивали. Я, ползая на коленках, стала их ловить, но это было сделать не так, то просто, потому, что они выскользывали из моих мокрых рук и опять оказывались на полу. Наконец, когда мне удалось поймать одну из них, я поняла, что у меня нет воды, куда я смогла бы её выпустить и тогда, крепко держа в руке рыбку, пробежав по чавкающему ковру, я оказалась на кухне, где, налив из крана в мамину любимую чашку воду и, выпустив туда рыбку, я вернулась в комнату, где обнаружила, что часть рыбок, хотя ещё и подпрыгивают, но уже как-то вяло, а остальные лежали, не подавая ни каких признаков жизни. Быстро собрав и тех и других

в чашку, я стала ждать неизбежного возмездия за содеянное. Ждать долго не пришлось, наказание было адекватно совершенному преступлению, тем более, что отягчающим обстоятельством явилось появление разгневанных соседей, которых я затопила. Так, благодаря этим двум моим последним «подвигам», я обрела второе имя, которое так прилипло ко мне, что скоро почти вытеснило первое.

Прошли годы, и из неуклюжей девочки я превратилась в стройную привлекательную девушку, и уже давно не играла в рыцарей, но «привычка» попадать во всякие несуразные и нелепые ситуации осталась.

Когда я поступила в университет – на факультет лингвистики – дедушка подарил мне небольшой Фольксваген. Както, опаздывая на занятия, даже не позавтракав как следует, я плюхнулась на сиденье машины, и тут выяснилось, что мой стальной мустанг сегодня решил взбунтоваться и упорно не желает заводиться, как я ни крутила ключ зажигания и ни зывала к совести автомобиля. К счастью, университет был не очень далеко от дома и я, тяжело вздохнув, решила добираться до него общественным транспортом, короче говоря – трамваем. По закону подлости, трамвая, конечно, долго не было, я начала жутко злиться, так как у нас в этот день был очень важный семинар, на котором я должна была представить свой доклад. Простояв почти полчаса на остановке, я поняла, что безнадёжно опаздываю, времени на дальнейшее ожидание у меня нет и нужно срочно ловить такси. И тут

меня неожиданно хлопнули по плечу. Резко обернувшись, чтобы высказать нахалу всё, что о нём думаю, я узнала Пашку, с которым некогда дружила и училась в одном классе. Но после окончания школы я решила заняться лингвистикой, а Павел поступил в медицинский университет.

– Привет! Чего ты тут стоишь, как фонарный столб?

– Трамвая жду, а его всё нет и нет...

Пашка вдруг сложился пополам от хохота.

– Трамвая ждёшь? – насилу выдавил он из себя. – Ой, не могу... А где ты здесь видишь рельсы, скажи на милость?

Я посмотрела. Действительно, рельсов не было! Как же так?!

– Но ведь здесь всегда была остановка, я это точно помню!

– Была – два года тому назад! Но муниципалитет в год нашего выпуска решил перенести остановку в другое место, рельсы разобрали, а до тебя это и не дошло!..

– Хватит ржать! – я с неудовольствием смотрела на закатившегося в отвратительном смехе приятеля. – Лучше подвези меня, а то я жутко опаздываю.

Сидя в старом раздолбанном драндулете, и глядя на никак не могущего успокоиться Пашку, я с унынием думала, что в очередной раз проявила себя, как полная идиотка.

Разумеется, на следующий же день об этой истории было уже известно всем моим знакомым, и, на некоторое время, я стала объектом всевозможных шуточек.

Все это – лишь ничтожная часть историй, которые со мной

приключались регулярно, но всё это привело к тому, что я очень скоро привыкла, что со мной, то и дело приключаются разные неприятные, а иногда и необъяснимые вещи, и каждая следующая превосходила предыдущую по своей нелепости и даже глупости. Иногда, когда одна история не спешила начаться после того, как закончилась прежняя, я даже начинала паниковать, зная, что это значит лишь одно – эта новая будет просто венцом всей этой череды.

Но если прежде во всех своих неприятностях была виновата только я сама, мой неуёмный характер и никогда в них не был замешан никто другой, то те невероятные приключения, о которых я собираюсь вам рассказать, оказались самым тесным образом связаны с самым дорогим человеком в моей жизни, которого я просто обожала. Уже потом выяснилось, что моя история стала как бы продолжением его.

Речь идёт о моём любимом дедушке – прекрасном, добром человеке, который всячески меня баловал и защищал всегда и ото всех. Если судить по фотографиям, то в молодости он был очень красив и до сих пор сохранил свою привлекательность и стать, хотя некогда ясные голубые глаза со временем чуточку утратили свой блеск, поблек загар, волосы поседели.

По профессии он учёный-археолог, с мировым именем. Всю свою жизнь дедушка провёл в постоянных экспедициях. И где он только ни побывал... Египет, Мексика, Китай,

Япония... Джунгли Амазонки... Дельта Нила... Ганга... У него в кабинете висела большая карта мира, на которой он отмечал все страны, где ему довелось побывать, и сам утверждал, что ему гораздо проще перечислить те, где он не был, когда его спрашивали, куда его заносила жизнь. Без единого красного флажка были только два скопления льда у полюсов, и то я в детстве думала, что туда дедушка ни разу не ездил только потому, что был чрезмерно подвержен простудным заболеваниям.

Как гласит наша семейная легенда, во время одного из этих своих путешествий он познакомился с моей бабушкой. Тогда он отсутствовал очень долго, дольше всего – так что даже ближайшие друзья его потеряли. На поиски отправился его лучший друг Григорий, и тоже исчез. И только через пять лет после этого они оба вернулись – совершенно измотанные, но – в сопровождении удивительной красавицы, которую дедушка опекал со всей заботливостью, тем более, что красавица была беременна. Это была моя бабушка. Они поженились незадолго до того, как у них родилась дочка, моя мама.

Бабушку я не помню. Я знаю о ней только по крайне редким рассказам. Мама всегда говорила, что ничего не помнит о своей матери и старалась оборвать разговоры о ней. Дедушка же на все расспросы только горестно вздыхал и замыкался в себе. Лишь однажды он позволил себе сказать несколько слов.

– Она была чудесной женщиной, Элен. Это была не простая смертная, но королева, богиня! Да ты посмотри на неё сама!

Я и сама ежедневно бегала в кабинет дедушки, где висел удивительный портрет сказочной красавицы – моей бабушки. Он был... волшебным, заколдованным, я не знаю, как иначе объяснить то чувство, которое притягивало меня сюда, заставляло подолгу стоять перед полотном, вглядываться в изображение, любоваться роскошными золотистыми волосами этой девушки, тонуть в изумрудных озёрах её глаз. Казалось, и сам портрет, и юная бабушка хранят некую тайну, которая была никому не ведома, я сильно сомневалась, что даже дедушке известен ответ на эту загадку... Загадку, которая скрывалась в каждом штрихе неведомого художника, в лучистых глазах портрета, в мягкой, нежной, немного грустной и в то же время озорной усмешке девушки, в лебедином изгибе её шеи, была заключена в каждый камешек её украшений.

На незнакомке был дивный гарнитур из неизвестных мне камней. Это были не бриллианты, не изумруды, которые, казались, так и напрашивались, чтобы подчеркнуть цвет глаз, не жемчуг. Это были блестящие непрозрачные чёрные камни, из них было сделано ожерелье, браслеты и кольцо, блестящее на правой руке. У меня почему-то сразу, как я увидела этот портрет, возникло ощущение, что эти украшения – более поздняя деталь портрета, появившаяся спустя мно-

го лет после того, как картина была закончена, но почему мне так казалось – я не могла понять. Композиция была такой целой, создавалось впечатление, что девушка на портрете родилась уже с этими загадочными чёрными камнями.

Однажды я спросила у мамы, что это за камень.

– Обсидиан, – неохотно сказала она. Мама очень не любила разговаривать о бабушке, но тогда я пристала к ней, как репей и отделаться от меня и моих вопросов было никак невозможно. – По её словам, она принадлежала к какой-то очень обеспеченной семье, но изо всех украшений предпочитала этот гарнитур, с которым практически не расставалась. Даже если она снимала что-то, хотя бы один предмет обязательно оставался на ней. Потом она ушла, вместе с ним...

Раз в год, девятого января, дедушка запирался ото всех в своём кабинете и не выходил оттуда до следующего утра. Однажды я решила посмотреть, что же там происходит, через замочную скважину... И увидела, что дедушка сидит за столом, глядит на портрет, лицо его состарилось на несколько лет... По лицу бегут слёзы, дедушка держит в руках небольшую шкатулочку, и что-то говорит на каком-то совершенно удивительном, мелодичном языке.

На следующее утро я подошла к дедушке и призналась в том, что увидела.

– Никогда больше так не делай! Не хорошо так вламывать-

ся в личную жизнь людей и в чужие тайны! – это был единственный случай, когда он повысил на меня голос, обычно он не ругал меня, никогда. Даже когда мы с друзьями разнесли его кабинет, а я случайно залила чернилами тетрадь с записями, над которыми дедушка трудился уже давно (компьютера дедуля не признавал, и писал по старинке, чернилами). Мама тогда меня очень отругала, но и тогда дедушка за меня заступился. А тут... Тут он был очень недоволен.

Кроме этого портрета и карты, в кабинете чего только не было! Дедушка из каждого путешествия привозил с собой всевозможные сувениры, просто восхитительные, хотя, на мой взгляд, редко имеющие какую-нибудь ценность, кроме чисто исторической. Так, я не думала, что стоимость деревянных чёток четырнадцатого века – именно самих чёток, без учёта их древности, была так уж велика. Учитывая, что лак, которым они были покрыты, облупился на некоторых бусинах? Но дед от них был в неопишемом восторге, частенько доставал из шкатулки, где они хранились, и рассказывал удивительную историю о том, как они к нему попали. У него были потрясающие браслеты, бусы, кольца... Зеркало работы ацтеков – вот что имело большую ценность – оно было не из стекла, а из серебра. У него же была почти целая амфора, которую он вывез с одного из греческих островов контрабандой. И оттуда же он вывез немало экспонатов для своего маленького домашнего музея. И, откуда бы он ни возвращался, он никогда не забывал о своей единственной

и горячо любимой внучке и обязательно привозил мне множество разных милых безделушек.

Но была в его коллекции и такая вещь, которую, как мне казалось, он просто боялся. Он старался не доставать её из шкатулки, задвинутую на самый задний план, хотя я однажды увидела его, вернее, подглядела.

Это был обсидиановый браслет, очень древний, но прекрасно сохранившийся. Он состоял из множества мелких камешков, чёрных, отполированных до блеска, на каждом из них была золотая насечка в виде какой-то закорючки. Когда я спросила у бабушки, что это такое, он не ответил и категорически запретил мне впредь возвращаться к этой теме.

Я тогда обратилась к маме. Она ведь мне говорила, что бабушка, уходя, забрала с собой и свои драгоценности, а теперь я увидела браслет... Я была уверена, что это тот самый, который изображён на портрете, бабушкин браслет. Значит, бабушка не все свои драгоценности забрала тогда?

– Все, – отрезала мама. – Этот браслет твой дедушка привёз уже много позже из своей очередной экспедиции, и после этого прямо-таки заболел. И кончай ты эти вопросы, они не нравятся ни мне, ни твоему дедушке. То, что тебе надо знать, ты знаешь или узнаешь, когда придёт время.

Браслет этот, как однажды обмолвилась мама, входил в любимый бабушкин гарнитур, можно сказать, её приданое. У неё было несколько украшений из обсидиана, с такими

вот письменами, но, уходя, она забрала всё с собой, оставив на память о себе только браслет. С ним была связана какая-то очень таинственная история, чудом не стоившая девушке жизни.

Когда я поступила на первый курс института, нам неожиданно позвонил старый дедушкин друг и коллега, которого я всегда звала дядей Гришей. Он до сих пор, хотя ему было уже под семьдесят, разъезжал по всему свету в поисках разных раритетных вещей, и его коллекция была ещё богаче, чем дедушкина. И в тот раз он вернулся из Египта, где дяде Грише, по его словам, удалось найти некое украшение, по поводу которого он хотел поговорить с дедушкой, так как с этой находкой была связана какая-то странность...

Он приехал вечером и привёз ожерелье – такое же, как дедушкин браслет, собранное из мелких камешков обсидиана, точно так же обработанных, с такими же насечками. Дедушка хотел меня выставить из своего кабинета, но дядя Гриша с улыбкой остановил меня.

– Пусть девочка останется, если ей это интересно. Вещица и в самом деле удивительная и даже уникальная. И я, собственно, хотел бы у тебя узнать... Может, ты найдёшь какое-нибудь объяснение тому, что я никак не могу понять, как ни стараюсь?

Обрадованная неожиданным и таким приятным для меня разрешением, я придвинула свой стул поближе к креслу, в которое сел наш гость, и приготовилась слушать удивитель-

ную историю, благо, наш друг всегда умел и любил рассказывать.

В Египте дядя Гриша был знаком с одним учёным, который, подобно всем археологам и историкам, любил собирать разные древности. И вот однажды, находясь в качестве консультанта в составе экспедиции в Долине Царей, профессор Абу-Менир нашёл одну такую вещицу, которая поставила его в тупик. Это было ожерелье из чёрных камней, созданное в древности, когда Древний Египет был ещё очень молод, при первых фараонах. Кто создал – неизвестно, может, египтяне, может, они попали в Египет из Шумера или Ура, но найдены они были именно в Египте, при раскопках в Долине Царей. Сами египтяне пришли в какое-то невменяемое состояние, когда увидели ожерелье. По словам египтян, оно происходило из иного мира, куда уходят люди с тем, чтобы либо не вернуться вовсе, либо вернуться чрезвычайно странными. Не сумасшедшими, как говорят египтяне – именно «чрезвычайно странными». Профессор пытался выяснить у них, в чём состояли эти странности, но все расспросы были тщетны. Он только заметил, что арабы были счастливы, когда учёный решил взять с собой эти камни, но посоветовали ему выбросить украшение в море.

– Ни в коем случае не оставляйте у себя! Не надевайте сами и не позволяйте это делать другим – ожерелье будет стремиться вернуться назад, в свой мир!

Это была одна странность. Так говорили абсолютно все

египтяне, к которым обращались археологи. Все туземцы были смертельно напуганы одним видом этого украшения, хотя с виду оно очень красивое и довольно необычное для тех времён, когда, предположительно, было создано.

Ещё одна странность выявилась, когда профессор решил посмотреть, что представляют из себя золотые насечки на камешках. И оказалось, что там наличествуют не только египетские письмена, но и руны древних викингов и знаки из письменности индейских племён! Хотя и индейская письменность и руническое письмо возникли позже египетского и на большом расстоянии от страны древних фараонов! А все насечки были нанесены в одно и то же время!

Некоторое время профессор хранил у себя это ожерелье, но потом, встретившись с дядей Гришей, под воздействием какого-то импульса решил отдать украшение ему.

– Когда я его увидел, то затрясся, – дедушкин друг рассказывал всё это с каким-то странным лицом. Я хорошо знала дядю Гришу, знала и любила, до своего отъезда в Египет он жил совсем рядом и мы постоянно ходили к нему в гости или он приходил к нам. Я видела его и весёлым, и расстроенным, но такого выражения лица я не видела никогда, оно было... обрадовано-озадаченным. – Ты ведь понимаешь, дружище, это же то самое... Я и не надеялся никогда его увидеть, думал, оно пропало навсегда... и вдруг оказывается, что его нашли в Долине Царей, в Египте... Как оно туда попало?

– Я ничего об этом не знаю! Откуда? – отрезал дедушка. –

Будь другом, забери ты у меня этот браслет! Я чувствую, что добром это не кончится, он сводит меня с ума...

Меня этот разговор очень удивил. Ожерелье было точно таким же, как браслет, можно сказать, его увеличенной копией. Я нисколько не сомневалась, что это тоже часть бабушкиного гарнитура – хотя как тогда украшение могло попасть в Долину Царей? Обсидиановый гарнитура всегда был на бабушке, по крайней мере, дедушка всегда говорил, что Элен, в честь которой я получила своё имя, не расставалась с ним с малолетства. И вот – почему-то этот гарнитура оказался разделенным, браслет – в нашей семье, ожерелье – у дяди Гриши, и почему-то один старик пытается расспросить другого о том, что оба должны прекрасно знать – или не должны знать вовсе, о чём оба прекрасно знают? И – почему бабушкин любимый браслет, который так давно сберегается в нашей семье, хранится в полной тайне и внушает дедушке такой ужас, что он мечтает от него избавиться? Всё это очень странно, но тогда я не находила этому объяснения.

– Нет, нет и нет. Мне почему-то кажется, что их ни в каком случае нельзя сводить вместе – браслет и ожерелье, иначе может произойти... что-то может произойти. Так что я могу только обменять ожерелье на браслет. Сейчас не время их объединять, я это чувствую. Должна быть ещё одна деталь, как минимум, одна, после чего всё станет на свои места. Ты знаешь, сколько времени я бьюсь над этой загадкой, сейчас близок к её разрешению, как никогда... Со временем я,

возможно, попрошу у тебя этот браслет, но только когда все остальные детали этой головоломки будут на своих местах.

Через какое-то время я собралась ехать на каникулы в Мексику. Дедушка в своё время так интересно рассказывал о тамошних красотах, пирамидах древних индейских племён, что мне очень захотелось увидеть всё это своими глазами. Мама пыталась меня отговаривать от этой поездки, по её глазам было видно, что одна мысль о моём путешествии внушает ей тревогу, которую она сама не могла объяснить, но я стояла на своём. Но буквально за несколько дней до моего предполагаемого вылета, когда уже был заказан билет на самолёт, выяснилось, что все рейсы в Центральную и Южную Америку отменяются, там какая-то эпидемия, и ехать туда нельзя категорически, эта поездка может и в самом деле стать смертельной! Я очень расстроилась, но дедушка всячески пытался меня приободрить.

– Может, в Египет съездишь? – спросил он. – Признаться, я даже рад, что так получилось.

Оказалось, ему срочно надо передать какую-то вещь дяде Грише, который надолго уехал в Египет.

Накануне вечером он позвонил дедушке, они долго что-то с ним обсуждали, причём дедушка то хмурился, то улыбался, но наконец пришёл в хорошее настроение и сказал, что постарается выполнить просьбу своего друга. Поздравил с какой-то победой и выразил надежду, что тайна скоро перестанет быть тайной.

Поэтому мне придётся ему помочь, тем более, что история Египта ещё более древняя, чем мексиканская и египетские пирамиды тоже очень красивы. Я согласилась – в Египет тоже очень хотелось. Это, в частности, была неплохая языковая практика – я всегда увлекалась языками и свободно владела несколькими.

А теперь мне представлялась возможность пообщаться с египтянами. Я арабским владела почти свободно, по крайней мере, в музеях мне гиды-переводчики не нужны. Я заранее решила, что не стану беспокоить дядю Гришу, хотя он, когда звонил или писал из Асуана, расхваливал свою квартиру и выражал готовность разместить в ней «хоть целый полк».

Дедушка сам отвёз меня в аэропорт, и на прощание вручил небольшую коробочку. Я открыла её и увидела внутри шкатулочку – маленькую, явно старинную, чрезвычайно искусно вырезанную из кости. Я никогда прежде не видела у него ничего подобного и хотела открыть и её, но дедуля остановил меня.

– Не делай этого. Это очень важно. Ты не должна открывать шкатулку и отдай её Грише так, как есть. Он знает, что с ней делать. Но – ни в коем случае не открывай, иначе...

Он не договорил, было видно, что ему нелегко дался и этот разговор, после этого дедушка резко развернулся и быстро пошёл к выходу. Я хотела спросить, что его беспокоит, но он уже смешался с толпой, а меня стали поторапливать с посадкой.

...Я заняла свое место в салоне самолёта, вертя в руках шкатулку. И что тут такого страшного? Что означали эти странные слова бабушки?

– Разрешите посмотреть? – когда мы уже летели, я обратила внимание на своих соседей, это были пожилая молодая женщина и очень худой молодой человек с каким-то странным, отстранённым взглядом. Заговорила со мной дама. Она чрезвычайно бесцеремонно выхватила у меня из рук шкатулку, хозяйским жестом открыла её, и, заглянув туда, тут же её захлопнула, при этом она как-то странно оцепенела, её глаза вылезли из орбит, Проходившая мимо стюардесса предложила ей воды, но женщина, швырнув мне шкатулку, посмотрела на меня с непонятым ужасом, Затем она перелезла через молодого человека, и, бормоча что-то себе под нос, стремительно унеслась куда-то в сторону пилотской кабины. Её реакция на содержимое шкатулки крайне озадачила меня Я снова взяла шкатулку и вновь стала внимательно её осматривать – что же в ней такое? И не повредила ли её случайно эта истеричка? При этом я сделала неловкое движение, и шкатулка открылась...

Там лежал браслет. Тот самый браслет, который я видела у бабушки, и которого по непонятной мне причине бабушка так боялся. Но почему его так испугалась дама?

– Красивая вещица, – молодой человек воспользовался случаем и пересел на освободившееся место. – Обсидиан, и не современной обработки, я в таких вещах разбираюсь, –

сказал он с видом искушённого знатока. – Послушайте, если Вы захотите его продать, то у меня есть очень хороший знакомый коллекционер, который собирает такого рода украшения. Он весьма состоятельный человек, и я думаю, что он даст Вам за этот браслет приличную цену... Не хотите? Понимаю, – вздохнул он. – Но, может, вы хотя бы позволите мне полюбоваться браслетом на вашей ручке? – он тоже, как и моя уже бывшая соседка, не разводил церемоний и, не дав мне опомниться, надел браслет мне на руку. Тут же нанесённые на камешки письмена вспыхнули и стали переливаться самыми разными цветами, золото, серебро, зелёный, синий... При этом зрелище мой сосед внезапно изменился в лице, оно отразило тот же ужас, что и у женщины, и он тоже исчез, правда, сделал это без лишнего шума и максимально незаметно. Я лишь недоумённо пожала плечами и хотела снять украшение. Не тут-то было! Оно словно приросло к моей руке! Я перепугалась – как я теперь смогу оправдаться перед дедушкой, как ему объяснить, что моей вины в том, что произошло, нет? Почему со мной всё происходит не так, как со всеми людьми, почему я всегда влипаю во всевозможные истории?!

...В каирском аэропорту, меня должен был встречать дядя Гриша, но его там не было. Я не знала, что и подумать об этом, потому что всем была известна его исключительная пунктуальность. Я попыталась дозвониться до него, но всё было тщетно – ни один его телефон не отвечал. Вконец

встревоженная и, чувствуя, что произошло что-то неладное, я поехала в отель.

За обедом я познакомилась с несколькими русскими, которые также приехали в Египет по путёвке, и они приняли меня в свою компанию. С ними я поехала по разным городам – причём Долину Царей и пирамиды было решено оставить на потом. Были мы в музеях, и тут сказала ещё одна странность моей натуры.

Я совершенно недисциплинированный экскурсант. Всякий раз, когда мы идём с группой в музей, все идут в одну сторону, я в другую. Гид рассказывает об одном экспонате, я рассматриваю другой. Вот и здесь все пошли направо, в древний Египет, осматривать какие-то мумии, я же пошла налево и попала в зал, где была экспозиция, повествующая о наполеоновских войнах. Потом все пришли осматривать эту экспозицию, а я отправилась к мумиям. Только на выходе я присоединилась к группе...

Через неделю после моего прибытия в Египет, я наконец добралась до Асуана, где жил дядя Гриша и которому я должна была отдать браслет. Правда, он по-прежнему ни в какую не желал сниматься с моей руки, как я ни старалась его содрать. Оставалась надежда, что дяде Грише известна тайна застёжки, и он легко поможет моей беде.

Время моего пребывания в Египте подходило к концу, и я решила по дороге к дяде Грише купить сувениры и подарки своим близким и друзьям. Местный базар, как и все во-

сточные базары, встретил меня нестройным разноязычным хором. Утомленные жарким египетским солнцем туристы неспеша прогуливались вдоль красочных рядов выставленных для продажи всевозможных товаров. Тонкие, экзотические и томительно волнующие ароматы восточных благовоний причудливо смешивались с запахами ароматного кофе, пряностей, тушеных бобов и жарящегося на открытом огне мяса. Немного побродив по базару, я купила лёгкий пробковый шлем для дедушки – тот постоянно жаловался, что нет у него подходящего головного убора для долгих экспедиций в жарких странах, для мамы – цветастый платок, агатовые бусы и такие же браслеты с египетской символикой. Как меня уверил продавец, это магические обереги, защищающие от всевозможной порчи и сглазов, над ними поработали самые настоящие потомственные маги – как белые, так и чёрные. В магию я не верила, но они показались мне красивыми, и – это был неплохой образец египетского народного творчества. Маме они должны понравиться.

Когда я зашла в небольшую ювелирную лавку, где продавали самые разные вещицы из золота, серебра, бронзы, среди всего прочего я заметила крупную и очень красивую брошь в виде жука-скарабея. Он был просто изумительной красоты, причём я даже не поняла, из чего он сделан. На прилавке жук казался выполненным из чёрнёного серебра, но когда седовласый торговец взял его, чтобы переложить в другое место, вспыхнул золотом. Глазки насекомого были из бирюзы, над-

крылья украшены россыпью мелких камешков небесной голубизны, а в лапках скарабей держал маленькое солнце!

Заметив эту сказочную красоту, я вышла наружу, стараясь унять дрожь и одновременно прикидывая, сколько это может стоить и как много у меня денег. Конечно, деньги у меня были, но мне надо было приобрести ещё сувениры для друзей, мне предстояла поездка к дяде Грише, который всё никак не отвечал на мои звонки... Нет, я не могла себе позволить слишком крупные траты, но, может, удастся поторговаться, сбить цену?

Я вернулась в лавку и стала осматривать другие предметы – вазочки, кулоны в виде пирамидок, крестов причудливой формы, браслеты, с нанесёнными на них египетскими иероглифами или фресками. Один кулон-пирамидку из бронзы я даже решила купить, она была очень симпатичная и стоила совсем дёшево. А потом, подойдя к прилавку, я как бы ненароком поинтересовалась стоимостью брошей, вот, к примеру, этого жука.

Торговец назвал свою цену, как я и боялась, довольно высокую.

– Это весьма оригинальная работа, – сказал он. – Несовременная, ничего подобного вы нигде не найдёте.

– Он что, из чистого золота? – я изобразила удивление. – А вот у соседней броши я вижу ценник, тоже из чёрнёного серебра, да ещё и с агатом, но стоит значительно дешевле.

– Эту брошь я сделал сам, всего несколько дней назад, а

это, – старик опять взял в руки интересующее меня украшение, – очень древнее. Не стану утверждать, что его носили фараоны, но этому скарабею уже много веков.

Я из последних сил сражалась со своим сердцебиением, но теперь, когда брошь опять предстала передо мной во всей своей красе, эта битва была обречена на провал. Тем не менее, мне удалось купить вожеленного жука за меньшую сумму, я сразу приколола брошь к воротнику, на всякий случай – со внутренней стороны – не приведи господи, украдут такое сокровище!

Отсюда я перебралась в соседнюю лавку колониальных товаров. Собственно, я даже не хотела сюда заходить, а собиралась вернуться в гостиницу, но вокруг было столько людей, что они буквально затолкали меня в этот магазинчик.

Я огляделась. Чего только здесь не было! Одежда и оружие – самые разные, как бурнусы или как они там называются бедуинов, так и костюмы европейских колонизаторов, мундиры наполеоновских армий, ружья разных калибров, в углу пылился мушкет. Колониальная мебель, украшенная резьбой местных мастеров, слоновьи бивни, рога буйволов, шкуры...

Продавец – высокий худощавый преклонных лет мужчина, что-то обсуждал с арабом, выразившим желание приобрести одно из английских ружей, а я стала рассматривать фотографии на стенах и в отдельных витринах. Они не продавались, а служили скорее украшением лавки, я же всегда ин-

тересовалась старинными фотографиями, некоторые из этих даже пожелтели от времени, на некоторых было почти невозможно разобрать, что на них изображено.

Перед одной из витрин я встала, как вкопанная. Там лежали фотографии и предметы, относящиеся к экспедиции в долину, где были открыты две пирамиды, это открытие заставило учёных пересмотреть всё, что они знали о временах первых фараонов, до того удивительной была эта находка. Я видела несколько фотографий и три книги, одна из них была дедушкина. «Неизведанное царство», написанное им в соавторстве с ведущим английским археологом Роджером Хонуни. В кабинете на письменном столе стояла выцветшая от времени фотография, в которой он был заснят среди прочих участников данной экспедиции. На этой фотографии дедушка стоял на втором плане, перед ним сидели трое или четверо работников с лопатами в руках, а рядом с дедушкой – красивый представительный мужчина, который положил одну руку ему (дедушке) на плечо, в другой руке у него было то ли ружьё, то ли винтовка.

«Это очень известный человек, – сказал дедушка, когда я, будучи ребёнком, ткнула пальцем в этого мужчину – Светило археологии. Кажется, происходит из знатного рода, хотя это не афиширует. Когда-то мы совершенно случайно оказались в одной интереснейшей экспедиции. Результатом нашей дружбы и плодотворной совместной деятельностью явилось написание нами в соавторстве нескольких книг».

И вот, я увидела эту же фотографию под стеклом витрины колониальной лавки. Я не могла ошибиться, слишком часто я видела её дома. А рядом лежали фотографии отдельно снятых участников, в том числе и дедушкина. И книга.

– Что вас интересует, мисс? Только это не продаётся, – подошёл ко мне продавец. Я оглянулась и увидела, что это тот самый мистер Хоуни, о котором рассказывал дедушка. Правда, он постарел, волосы стали совсем седыми, но всё равно я его сразу узнала. Он очень удивился, но обрадовался, когда узнал, откуда я о нём знаю. – Я помню вашего дедушку. Жаль, очень жаль, что мы давно не виделись, в последние годы только переписывались, но в той экспедиции мы с ним стали очень хорошими друзьями.

Мы ещё долго болтали, мистер Хоуни закрыл лавку, угостил меня кофе и предался воспоминаниям о прошлом. Я высказала своё удивление тому, что столь знаменитый археолог вдруг стал лавочником, но он объяснил, что пишет книгу, для которой ему необходимо как можно глубже погрузиться в местный колорит и быт торговцев.

Когда я уже собиралась уходить, мистер Хоуни вдруг что-то вспомнил.

– Подождите, Элен, – сказал он. – Я тут должен был кое-что передать вашему дедушке, но, к сожалению, всё не представлялось возможности, это может оказаться очень интересным для него, – он достал тонкую папку, в которой оказался тонкий лист папируса, покрытый иероглифами.

Попрощавшись с мистером Хоуни, я отправилась к дяде Грише.

Но, когда я пришла по адресу, который мне дал дедушка, дверь мне открыла незнакомая женщина-египтянка, в траурном наряде, от которой я узнала, что Григор-эффенди исчез полторы недели тому назад.

– Уехал смотреть пирамиды и не вернулся, – сказала она. – Я говорила... Я предупреждала его, но...

Тут её взгляд упал на мою руку и на мой браслет, который я никак не могла снять, и лицо женщины исказилось. Это было выражение, как у всех кто видел мой браслет, совершенно непонятного для меня ужаса! Её трясло, как в лихорадке, она побледнела, зашаталась. Она Схватила за прилоку, даже не замечая, что тем самым заперла меня в прихожей. Я отстранила её, прошла на кухню и налила египтянке воды, но та оттолкнула стакан с такой силой, что тот упал на пол и разбился. Женщина – как я поняла, она помогала дяде по хозяйству и присматривала за квартирой в его отсутствие, ругалась на каком-то диалекте, смотрела на меня не то с испугом, не то со злобой. Я решила, что она сумасшедшая, и стала отступать к выходу, но припадок закончился также внезапно, как и начался.

– Подождите, – сказала она уже по-арабски, ушла куда-то и через минуту и вернулась с ларцом, похожим на тот, в котором прежде лежало моё украшение. – Если Вы... То возьмите это и унесите подальше отсюда. Чтобы это никогда боль-

ше не вернулось сюда!

С этими словами она буквально выставила меня за дверь, и я услышала, как женщина изнутри запирается на многочисленные замки. Я ничего не понимала. В шкатулке обнаружилось ожерелье и ещё кольцо, обсидиановое с закорючками. Теперь не было только серёжек – из тех украшений, которые я видела на бабушкином портрете.

...Я возвращалась в гостиницу, пребывая не в самом лучшем настроении. Ещё издали я увидела экскурсионный автобус, который стоял напротив моего отеля. Увидев меня, столпившиеся около автобуса люди, замахали мне руками. До меня не сразу дошла причина столь бурной реакции при появлении моей скромной персоны. Но уже в следующий момент я вспомнила, что накануне я записалась на двухдневную экскурсию. Чертыхаясь и проклиная свою крайнюю рассеянность, я прибавила шаг. Как оказалось, жаждущие получить незабываемые впечатления от созерцания местных достопримечательностей ждали меня уже достаточно долго, и поэтому я, не заходя в отель, бренча купленными сувенирами в своём рюкзаке, нырнула в салон автобуса, чувствуя на себе укоризненные взгляды.

Из окна я разглядывала проплывающие пейзажи. По одну сторону расстилался океан жёлтых песков, без конца и края, безмолвный и безлюдный, ни единой травинки, ни малейших признаков жизни... По другую сторону раскинулся

египетский рай – зелёная равнина с островами пальм. До пирамид оставался ещё час езды, но их очертания уже вставали над вершинами пальм. Они словно парят, и кажется, что это воздушные видения...

Наконец автобус остановился недалеко от пирамиды Хеопса и мы вышли наружу. Экскурсовод теперь рассказывал о ней, но я почти ничего не запомнила. На меня эта пирамида произвела впечатление огромной, даже гигантской горы, с безукоризненными правильными очертаниями, воздвигнутой самой природой в честь забытого египетского монарха...

Но прежде, чем идти в пирамиду, кто-то предложил нанести визит одному из её соседей, и все присоединились к этому решению, так как иначе после посещения царской усыпальницы мы могли не уделить должного внимания чему бы то, ни было ещё.

Я так много слышала о таинственном, могучем, мудром Сфинксе от бабушки – и вот, наконец, он передо мной. Я долго вглядывалась в его черты, они показались мне строгими и печальными. Весь его облик исполнен такого достоинства и величия, которого, кажется, не встретишь на нашей земле, и в то же время – такой доброты, которой я никогда не видела на человеческом лице. Конечно, умом я понимала, что это просто камень, но мне казалось, что эта безмолвная, мёртвая статуя всё прекрасно чувствует и мыслит. Как заворожённая я стояла перед Сфинксом и не могла отвести глаз

от его лица. Мне показалось, что взгляд исполина устремлён вдаль и он смотрит в ничто, в пустоту. Казалось, он смотрит поверх всего настоящего в прошлое... а может быть, и в будущее...

...Как часто впоследствии я вспоминала этот образ и ощущение тайны, которой окутано его прошлое. Сейчас я думаю, что всё, что впоследствии со мной произошло, каким-то образом связано со Сфинксом, но тогда я, конечно, не могла этого знать.

Перекусив в тени пирамид, мы отправились осматривать уже пирамиду Хеопса. Опять гид рассказывал нам интересные истории и легенды, которые так или иначе связаны либо с правлением данного фараона, или с этой пирамидой, рассказывал и о других гробницах – существующих и тех, которые учёным ещё только предстоит раскопать в будущем. Один рассказ сменялся другим, многие я не помню, но одна легенда всё же отложилась в моей памяти...

...Где-то посреди пустыни, как говорят бедуины, есть ещё одна пирамида, абсолютно никому не известная, кроме бедуинов, которые только знают о её существовании, но сами никогда туда не ходят. Вообще, район, где, по рассказам, расположена эта самая пирамида, считается проклятым – иногда туда ходят люди – учёные, просто туристы... и исчезают. Бесследно. Большею частью навсегда, лишь однажды вернулся какой-то тип, совершенно свихнувшийся, а потом опять

исчез.

После этого исчезла и я – свернула не в тот коридор, долго бродила... Осознала, что вот-вот заблужусь и скоро здесь появится ещё одна мумия, стала возвращаться, и обнаружила нескольких своих новых знакомых, обступивших высокого мрачного бедуина, который чем-то был крайне недоволен.

– Элен! – замахала руками Рита, с которой мы в этой поездке довольно близко познакомились – насколько это было возможно между девушками, которые узнали о существовании друг друга только две недели тому назад. – Иди сюда! Мы тут уговорили местного абрека свозить нас в ту проклятую долину, где есть ещё одна пирамида. Только он говорит, что это не совсем пирамида.

Бедуин что-то забормотал, я прилично знала арабский и смогла перевести.

– Пирамида, но её называют Проклятыми Вратами. Говорят, что она поглощает людей, отправляя их в вечное рабство Сету или ещё кому-то из древнеегипетских бесов. Он говорит, что ничем хорошим эта поездка не закончится, но ему действительно очень нужны эти деньги, иначе никогда бы не согласился.

– Глупости это, конечно, всё это проклятье, – фыркнул Риткин муж.

Ехали мы долго. Как нам объяснили, проклятое место находилось далеко от долины пирамид, поэтому на месте мы будем только утром. Вечером мы въехали в другую мест-

ность. Дороги, как таковой, здесь не было и, можно сказать, мы были уже на проклятой территории, здесь никто не ходил, но в собственно Проклятую долину мы должны были попасть утром. Но тут... можно сказать, я накликала.

Мы въехали в довольно живописное ущелье. Именно ущелье. По обе стороны «дороги», по которой мы ехали, высились огромные песчаные горы, которыми я невольно залюбовалась, и мне невольно захотелось здесь остановиться...

Ох, как не вовремя! Захотелось – и тут же старенький автобус стал, как вкопанный, откуда-то снизу запахло... очень нехорошо. Водитель-бедуин заохал, запричитал. Пришлось выйти и ночевать под открытым небом. Кто умел, а кто и нет. Я, к примеру, промучилась до самого утра.

Утро было не по-местному туманное и солнца не было видно. Тем не менее, пока бедуин с помощью двух молодых людей пытался что-то сделать с двигателем, я решила прогуляться. Взяла, на всякий случай, свой рюкзак, напялила шлем и поплелась осматриваться, собирать красивые камушки, которых и так были полны карманы. Я гуляла туда, сюда, камней набрала столько, что пришлось остановиться – походка у меня стала гремящей, и пришлось переложить добычу в рюкзак, благо, там нашлось место, после чего я решила угомониться.

Отдыхала я с видом на маленький чёрный круглый камешек, вросший в землю. Он казался мне просто потрясающим, казалось, по нему то бегают разноцветные искорки, то

сходятся-расходятся круги. Я пыталась выковырять его из грунта, но мне это никак не удавалось, а так хотелось... Тогда я насилу заставила себя отойти от него, но потом вернулась и снова попыталась, и с тем же результатом.

И вот, когда я, подавив тяжёлый вздох, решила выбирать-ся обратно к автобусу, тем более, что он явно ожил и сигна-лил, взошло солнце. При свете я увидела небольшую гибкую тень чуть в стороне. Глянув туда, я увидела очаровательную чёрную кошку с изумрудными глазами. Она не сводила с меня глаз, зрачки которых то сужались, то расширялись, потом зверёк стал подкрадываться ко мне. Меня это обрадовало, правда, я ещё не знала её намерений, прежде кошки не очень охотно ко мне шли, если только у них не возникало желания поцарапаться. Мои ноги почему-то казались им очень подходящими столбиками для стачивания коготков. Но, не до-ходя до меня всего нескольких шагов, кошка легла на землю, не сводя с меня своих чудных глаз. Я видела многих зелено-глазых кошек, но только у этой глаза были настолько похожи на изумруд с вкраплением того же обсидиана в самой сере-динке. Это было удивительно красиво.

– Иди ко мне, моя хорошая, – я стала подбадривать её, жа-ля, что отложила рюкзак в сторону, там у меня было немно-го колбаски. Сейчас я боялась сделать шаг в сторону, чтобы не испугнуть кошку, хотя что-то мне подсказывало, что она никуда не уйдёт. Я её чем-то привлекаю, и отнюдь не в каче-стве когтеточки, и это было очень приятно. Но почему она не

идёт – она ведь явно хочет ко мне? Ещё немного – и я смогла бы дотянуться до неё рукой... Но я боялась сдвинуться с места и только любовалась зверьком.

– Мяу! – жалобно ответила кошка и мотнула головкой, словно говоря: нет, это ты иди ко мне. Так мы и сидели, ожидая, когда одна из нас сделает первый шаг к сближению. Её глаза становились всё более грустными, печальными, казалось, ещё чуть-чуть – и она заплачет – человеческими слезами, я тоже готова была заплакать. Нас обеих что-то притягивало, но в то же самое время что-то останавливало от дальнейшего сближения.

В конце концов, кошка издала жалобный протяжный вздох и медленно пошла в обратную сторону, то и дело оглядываясь через плечо на меня: вдруг я передумала? Я как зомби покорно пошла за ней. Автобус уже давно сигнализировал, меня звали, окликали, но для меня сейчас существовала только эта чёрная тощая бестия... Она словно приворожила меня...

Вскоре мы обе оказались в непосредственной близости от того камня, который я тогда не смогла поднять. Кошка подошла к нему, села и опять стала смотреть на меня, жалобно мяукая и нетерпеливо перебирая передними лапками, и с каждым моим шагом в её направлении она всё больше успокаивалась, и блеск её изумрудов-глаз становился все более ярким.

Я подошла к камню – она не стала от него отходить, вско-

чила и стала танцевать на месте – весьма и весьма изящно, элегантно. Потом выгнула спинку, и стала тереться о мои ноги, нежно мурлыча. Я протянула руку и погладила её – у кошки оказалась очень мягкая шёрстка. Я взяла её на руки и прижала к себе.

В этот момент солнце добралось до этого ущелья. Осветило камень... и он ожил. Стал расти, искриться. Теперь я убедилась, что мне это вовсе не показалось, по нему и в самом деле бегали искры – то отдельные, то образуя воронку. Я протянула руку и коснулась камня...

... и тут же у меня возникло ощущение полёта. Полёта в неизвестность. И не только ощущение. Я увидела, что каким-то образом попала в огромную тёмную искрящуюся воронку и по ней лечу, лечу, лечу... И конца этому полёту не видно... Я невольно вспомнила Алису из Страны Чудес, но мой полёт был куда более таинственен... и страшен... Я не знала, что со мной происходит, куда я лечу, но догадывалась, что ничего хорошего там, куда я прилечу, меня не ожидает.

Глава вторая

...И вот, я сидела, потирая коленку и озираясь по сторонам. Место было совершенно не похоже на то, откуда я прилетела. Буквально свалилась на этот камень, ударившись об него рюкзаком, потом – на землю, ссадив колено и чуть не потеряв солнцезащитные очки и шлем. Вокруг была местность, прямо скажем, не самая дружеская. Вместо песчаных скал – каменные, выщербленные, с множеством провалов, из некоторых на меня смотрели чьи-то хищные глаза, и я слышала отдалённый, но жутковатый вой. Кто выл, я не знала, но мороз пробегал по коже. Я хотела бежать, но нога болела довольно сильно, я смогла сделать только несколько шагов и снова села.

– Нет, мамочка была права, какая я Элен? Варвара самая настоящая, такое могло приключиться исключительно с Варварой и больше и с кем другим!

Над головой проплыла тень. Взглянув наверх, я увидела там неких существ. Похожих на летучих мышей, но очень больших размеров и я была уверена, что это вовсе не летучие мыши. Оттуда тоже доносились жутковатые звуки... я окаменела. А тут ещё раздалось ржание и топот копыт. Какое-то, наверное, даже не шестое, а седьмое, а то и восьмое чувство подсказало мне, что лучше с тем, кто едет на коне, не встречаться.

– Не стой! Беги!

Откуда ни возьмись, появился молодой человек, лет примерно двадцати пяти, довольно красивый, в сильно изношенном бело-голубом мундире. Этот мундир что-то мне напоминал, но что именно – я не могла понять. А он ещё довольно грубо и бесцеремонно схватил меня за руку и поволок, ничего не объясняя. Впрочем, я и сама понимала, что следует держаться как можно дальше и от тех жутких пещер, и от «нетопырей», кем бы они ни были. Единственное – я таки вырвала у него руку, вернулась за рюкзаком, который слетел при падении, подхватила его и сидящую около него кошку и припустила за парнем. Конечно, я не знала, кто он такой, но подозревала, что – местный житель, а потому знает эту местность и выведет к людям. А там уж мне помогут. Если не вернут назад, то, по крайней мере, объяснят, куда я попала и почему.

– Скорей, скорей, скорей! – бормотал он. – Эх, почему здесь нет Этельреда? Было бы куда проще и быстрее. Почему я артиллерист, а не кавалерист, сколько бы проблем решилось... Стоп!

Он остановился, не отпуская моей руки, так резко, что я упала на колени и взвыла от боли. Не обращая на меня внимания, незнакомец начертил палочкой прямо на грунте загадочный знак и провёл черту, после чего вздохнул с явным облегчением и повернулся ко мне.

Теперь я могла рассмотреть его получше.

Это был красивый молодой человек, с узким лицом, заключённым в рамку вьющихся каштановых волос. На нём, как я говорила, был потрёпанный бело-голубой мундир, у пояса висела шпага, а за спиной я увидела арбалет. Это меня удивило: кажется, такому молодцу больше соответствовала бы хорошая винтовка, а не такое допотопное оружие. Я даже подумала, что, если это такая игра, где участники разыгрывают сцены из разных исторических эпох, солдата наполеоновской армии следовало вооружить ружьём, а не арбалетом. Ну, если даже если не нашли ружья, современного Бонапартовским войнам, то даже винтовка смотрелась бы более уместно. Не закливая внимания на моей изумлённой физиономии, незнакомец махнул рукой – иди за мной – и мы двинулись дальше.

– Ты новенький, – он не спрашивал, а утверждал. – И, понятно, ничего не понимаешь. Думаешь, что спишь или сошёл с ума. Я тоже так думал, когда сюда попал, но – увы! – это не так. Очень скоро ты в этом убедишься.

– А где мы? Где это – «здесь»? Я ничего не понимаю, – пожаловалась я. – И вы всегда на ты с незнакомыми девушками? – спросила я. Впрочем, как ни странно, но я была отнюдь не против такого простого обращения. Я чуть приподняла свой пробковый шлем, чтобы он мог увидеть, что волосы мои явно слишком длинные для мужчины, но скреплены заколкой. Юноша смутился, но ненадолго и снова заговорил, хотя и более мягким тоном.

– Здесь так принято. И так значительно проще. Мы обращаемся на «Вы» только к монархам, Высшим, и то не все и не ко всем. Меня зовут Франсуа. Я живу здесь уже пять лет. Это очень мало, и я тоже не всё знаю, хотя и куда больше, чем ты. Как ты сюда попала? И из когда?

– В смысле – из когда?

– Как ты думаешь, какой сейчас хотя бы год?

Я уставилась на него. Он что – сумасшедший? Не знает даже года?! Я назвала, он рассмеялся.

– Нет, нет, и нет. Здесь сейчас девятнадцатое карода 34623 года – по местному исчислению. И это – не Египет. Эта местность носит название Забытые Башни. Раньше здесь и в самом деле были башни, но время и другие обстоятельства уничтожили их. Там, – он махнул рукой вперёд, где виднелся густой зелёный лес, – Ваотанская чаща. Вернее, её называют чащей, но это далеко не самый большой и даже густой местный лес. Но я надеюсь, что нам удастся его миновать.

– А как мне вернуться назад?

– Никак. Ты никогда не вернёшься домой.

– Что?!

Потрясённая его словами, я почувствовала, как внутри у меня что-то неприятно ухнуло вниз, а ноги стали ватными.

– Этот мир так просто не отпускает тех, кто сюда попал, – сказал он с неопикуемой тоской в голосе. – Иначе я давным-давно вернулся бы домой, в Париж... к семье... Да, жестоко мстит мне проклятый сфинкс!.. если это он...

– Причём здесь сфинкс?... – Впрочем, если мой сон был навеян простым камешком и встречей с чёрной кошкой, то почему бы впечатлительному молодому человеку не могло привидеться ничего необычного после встречи с самим Мистером Таинственность? Конечно, на меня сфинкс тоже произвёл впечатление, но не такое, как на моего нового знакомого, если судить по его словам.

Тут нам пришлось прервать разговор: снова раздалось цоканье копыт. Франсуа толкнул меня за какой-то камень, а сам сорвал с плеча арбалет, молниеносно его зарядил и вскинул. Но тут, же опустил и засмеялся.

– Выходи, это друг.

Выйдя, я невольно восхищённо ахнула.

Этот друг оказался рыцарем. Настоящим рыцарем, в самых настоящих рыцарских доспехах, единственно, я представляла их себе куда более габаритными и тяжёлыми, эти же не были лишены даже элегантности. Собственно говоря, доспехи состояли из кольчуги – серебряной, поверх которой была надета золотая кираса, а уже на самой кирасе был алый крест. Крест красовался и на треугольном золотом щите и на золотом флажке, укреплённом на длинном копье. Ноги незнакомца были тоже в штанах или чулках из металлических звеньев, не хватало для полноты картины только шлема. Рыцарь был с непокрытой головой, и я видела, что он несколько старше Франсуа, хотя едва ли достиг сорока лет, с русыми волосами до плеч, на лбу они были подняты алой

лентой, голубые глаза смотрели на нас насмешливо из-под песочного цвета бровей. Орлиный нос, язвительные очертания губ и чуть угловатый подбородок невольно внушали желание держаться чуть в стороне. Не говоря уже о том, что при рыцаре были не только щит и копье, но и довольно длинный меч, а его лошадь...

Это была не лошадь. Это был единорог. Ростом с обычную лошадь, строением больше напоминал антилопу, с довольно длинным рогом посреди лба. Масти он был белоснежной, а грива и хвост были из огня! Я села на камень и затрясла головой, стараясь отогнать наваждение, но безрезультатно.

– Это Этельред, – представил мне рыцаря Франсуа. – Что, не верится? Когда-то я тоже считал всё это, – он взмахнул рукой, указывая на окружающий мир, – сном, тяжёлым сном, кошмаром, ибо мне повезло меньше, чем тебе пока не встретился с ним. Райш – так называются здесь огненные рогатые лошадки – мигом убедил меня в том, что это – увы! – не сон и не плод больного воображения. Привет, Элрик, как дела? – это относилось уже к мальчику лет двенадцати, который сидел на муле и держал в поводу крупного коня, обвешанного тюками и оружием. В ответ мальчишка показал белоснежные зубы, соскочил с мула, подошёл ко мне и внезапно сорвал с моей головы шлем. Я почувствовала, что заколка, сдерживавшая мои волосы, сломалась...

– Прекрасная дама, опять в мужском платье! – возмущённо проговорил сэр Этельред, не одобрительно глядя на мои

брюки.

– Пора бы тебе уже привыкнуть к этому, как ты привык ко всему прочему, – усмехнулся Франсуа и повернулся ко мне. – Но, с другой стороны привыкнуть весьма и весьма непросто. Другое место, другое время, другие обычаи. Даже в моё время не очень-то приветствовалось, чтобы дама одевалась в мужское платье, а в его – считалось чуть ли не грехом. Но здесь женщинам тоже часто приходится прибегать к этому – порой длинные юбки сильно мешают и могут даже погубить.

– Дама не должна соваться туда, где опасно, это удел нас, мужчин, а женщина должна быть женственной! – отрезал Этельред. Впрочем, он тут же сменил гнев на милость и спросил: – Это весь твой улов на сегодня? Маловато.

– А у тебя и того нет.

– А я этим и не занимаюсь. Меня призвал Артур, – с гордостью объявил рыцарь. – А тебя хочет видеть Алекс, причём он приказал тебе поторопиться.

– Приказал! Я не росс, чтобы он мог мною распоряжаться... да ещё поторапливать! Вот возьму и не явлюсь!

– Ну-ну, будешь так говорить, не помогу тебе отсюда выбраться, – усмехнулся Этельред. – Имей ввиду, что кровососы в последнее время стали слишком уж наглыми и агрессивными, очень скоро они могут быть здесь.

– Ты не поступишь со мной таким образом! – возмутился Франсуа, которого явно испугала перспектива остаться в

этой местности одному.

– Ты давно уже напрашиваешься на хороший урок. Но сегодня мне не до этого. Элрик, уступи даме мула, сам беги следом!.. А ты, умник, держись за стремя и пошли. Да поживее!

Мальчишка взял у меня рюкзак, закинул его на вьючную лошадь, а меня усадил на своё место. Хорошо ещё, что незадолго до роковой поездки я пару раз каталась на лошади! Поэтому я удержалась в седле, даже когда мул перешёл на очень быстрый шаг, а там и в галоп, единственно – меня удивляло, как Элрик и Франсуа попевали за нами. Этельред сидел в седле, как влитой и успевал поглядывать по сторонам.

Потом ход поубавился – судя по всему, мы вышли из опасной зоны, и я обрела возможность проанализировать происходящее. Значит, так. Я каким-то образом оказалась в другом мире – безусловно, заснув в не очень удобной постели и в не самом лучшем настроении. И здесь, в моём кошмарном сне, живут рыцари, разъезжающие в классном прикидке на огненных единорогах, французы, носящие мундиры наполеоновских войск и вооружённые при этом средневековыми арбалетами. При этом оба осознают, что являются представителями разных времён и, судя по всему, народов. Франсуа – явно француз, Этельред, судя по имени – сакс. Хорошо, что единственное, где у меня не было перекосов – изучение языков, даром, что ли, я выбрала профессию лингвиста? Судя по всему, это позволяет мне теперь отлично понимать и

англо-саксонского крестоносца, и наполеоновского артиллери-
риста, при чём для меня речь и того, и другого... я словно бы
слышу русскую речь и не чувствую, что говорю не на своём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.